

Выход один — продолжать борьбу

В 2017 году Премия имени Алексея Комеча за общественно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России была вручена одному из самых авторитетных специалистов в этой области — Ю.А. Веденину, создателю и многолетнему директору Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева.

Ю. Веденин
на Кенозере

Специалист по рекреационной географии, он сумел в лихие 1990-е, когда в стране все только рушилось, совершить настоящий прорыв в подходах к наследию, предложив рассматривать его как комплексное явление, тесно связанное с природным и культурным ландшафтом. Побеседовав с Юрием Александровичем, мы записали некоторые его воспоминания и размышления, которыми решили поделиться с читателями.

ОБ ИНСТИТУТЕ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИМ. Д.С. ЛИХАЧЕВА

Мы организовались достаточно спонтанно, вне воли Министерства культуры. Сама идея о необходимости комплексного подхода к сохранению культурного и природного наследия появилась еще в Советском фонде культуры. Там же сформировалась и наша команда. Затем идею поддержали некоторые государственные структуры. Конечно, мы прошли

через правительственные каналы, участвовали в деятельности Думы, работали над составлением программ и постановлений, поэтому нас знали.

С самого начала институт стал заниматься не отдельными памятниками, а культурными территориями (городскими, сельскими, усадьбами, монастырскими комплексами), не только зданиями, но и их окружением. Время было для нас «романтическое», больше думали о деле, нежели о деньгах, поэтому возникали интересные начинания, продвигались интересные идеи.

Не получая заказов от Министерства культуры, мы обладили определенной свободой в смысле выбора тем и, в частности, стали разрабатывать Концепцию культурного ландшафта как объекта наследия. Наладили тесные связи с областными органами охраны памятников культуры, которые особенно заинтересовались разработанными институтом территориальными программами охраны наследия, где было показано, что наследие позволяет сделать регион привлекательным, что проблемы

экономики не могут решаться вне культурного контекста.

Важным направлением было и взаимодействие с национальными парками и музеями-заповедниками, для которых институт стал площадкой встреч и дискуссий. Мы пытались показать, что в принципе они занимаются одним и тем же делом, только у одних на первом месте стоит природное наследие, а у других — культурное. Представьте, если бы, например, в Музее-заповеднике «Дивногорье» не было бы этих замечательных природных ландшафтов, которые так тесно связаны с археологическими и архитектурными памятниками.

Концепция культурного ландшафта была нами использована и в Кенозерском парке. Сейчас там продолжается процесс создания системы музеев. Недавно, например, создан музей, посвященный фольклористам, которые работали в Кенозерье и впервые на Русском Севере начали делать записи

Вручение Премии имени Алексея Комеча. Апрель 2017 года

былин, сказаний и песен, сохранившихся на этой уникальной территории в памяти живущих там людей. Другого подобного музея в стране нет.

О КУЛЬТУРНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Ландшафт — это хранилище множества пластов культуры. Он создается многими поколениями людей разных национальностей, живших в разные исторические эпохи. Все они оставили в нем свой след. Там сохраняется ассоциативная память о предшествующих временах. Этот ландшафт тесно связан с искусством. Я считаю, что многие культурные ландшафты возникли благодаря тому, что стали «героями» произведений искусства.

Избушка рыбаков в Кенозерье

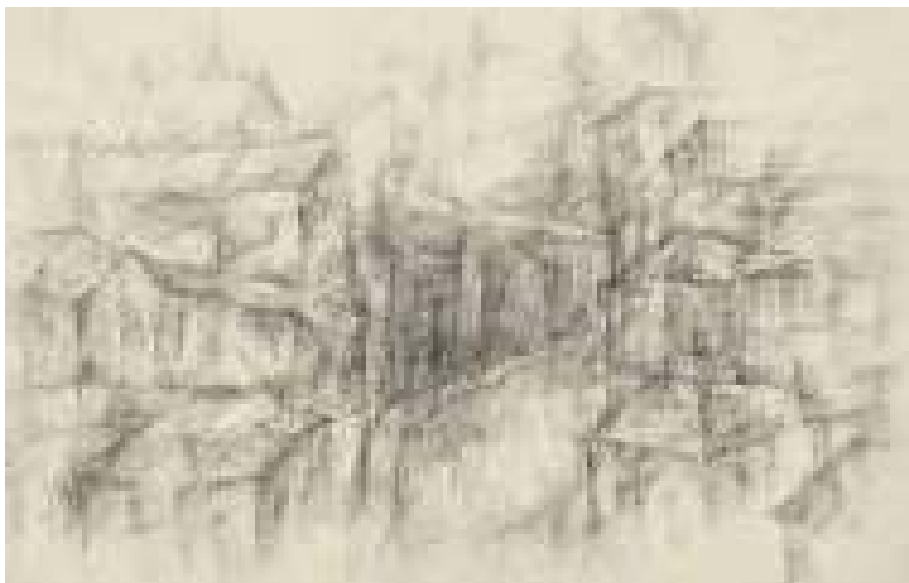

Ю. Веденин. Каргополь

В качестве примера можно привести литературный ландшафт. Это Мещерский край, созданный воображением К. Паустовского, свои ландшафты создали Пушкин, Толстой, Тургенев. Когда мы говорим о парковом ландшафте, то сразу вспоминаем об Андрее Болотове, авторе теории русского садово-паркового искусства. Если говорим о северном, поморском ландшафте, то возникают образы жителей Поморья, которые и обустроили этот ландшафт.

В ландшафте обнаруживается связь с поэзией, литературой, музыкой, мифологией. Когда вы приезжаете, например, в Нижегородскую область, на озеро Светлояр, то возникает целая цепочка ассоциаций с градом Китежем, начиная с древних легенд и включая оперу Римского-Корсакова. Через природу мы начинаем понимать культуру, а через культуру — территорию: поленовские, левитановские места. У меня, например, есть любимый писатель — Юрий Коваль,

Ю. Веденин.
Городской пейзаж.
Дорога вверх

который написал серию рассказов под названием «Чистый Дор». Это реальная деревня, где я бывал, но именно через рассказы Ковалья я проникся любовью к этому месту.

Культура позволяет по-новому взглянуть на привычные вещи и придать ценность тем территориям, мимо которых мы прошли бы. Для меня важно, чтобы в моей стране было как можно меньше «белых пятен» — каждое место должно иметь имя собственное, и тогда оно станет твоим.

ПАМЯТНИК И НАСЛЕДИЕ

Памятник — это всегда о прошлом, наследие — это то, что мы получили от наших предков и должны передать следующим поколениям. В этом отношении его содержание более богато по сравнению с памятником. Я плохо отношусь к тому, что памятник восстанавливается на определенную дату. Это подразумевает разрушение всех последующих наслоений. Ведь наследие, помимо подлинности, обладает еще и исторической репрезентативностью.

Наследие — это еще и документ, по которому можно проследить процесс развития памятника, понять его место в истории и связь с другими памятниками, территориями и городами. В этом отношении очень интересны парки и ландшафты, их нельзя отреставрировать на определенную дату, они всегда развиваются.

ОБ ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ К НАСЛЕДИЮ

Пока наследие не востребовано, оно будет находиться в том состоянии, как сейчас. Люди часто не воспринимают свое окружение как ценность.

Мы когда-то проводили опрос, взяв два старых и два новых города — Козельск и Сосенский, Боровск и Обнинск. И оказалось, что жители новых городов дают им более высокую оценку по сравнению с жителями исторических городов. Поэтому нельзя говорить лишь об охране памятников, не учитывая того, как живут и чем занимаются люди, каковы их бытовые условия.

В этом трагедия многих исторических городов. Наиболее активная часть жителей оттуда уезжает. Чтобы сохранить памятник, ему нужно придумать функционал, именно в этом направлении необходимо думать, когда ищешь новые пути развития исторических городов и вместе с тем хочешь сохранить их историческую часть. Один из путей — создание городов-дублеров. По такому пути пошли Городец и Елабуга.

О НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВАХ, СВЯЗАННЫХ С ОХРАНОЙ НАСЛЕДИЯ

Если говорить об охране материального наследия, то инициатива перешла ко вновь созданным градозащитным организациям: «Архнадзор» в Москве, «Настоящая Вологда», «СпасГрад» в Нижнем Новгороде и другие подобные организации в регионах России, которые сейчас занимают очень сильную позицию. При этом они не только «стоят на баррикадах», но и вступают с властью в диалог, участвуют в разработке нормативных актов, входят в общественные советы и пытаются искать пути компромисса.

О СООТНОШЕНИИ НОВОЙ И СТАРОЙ ЗАСТРОЙКИ/АРХИТЕКТУРЫ

Осознание ценности городов происходит не сразу. Екатерина II предлагала снести кремлевские храмы и построить на их месте Большой кремлевский дворец. Но сейчас, когда это осознание пришло, давайте сохранять дух исторической застройки в том виде, в котором она до нас дошла. Встает вопрос: а как быть современным архитекторам? Я сторонник того, чтобы не делать муляжи, копии на тему, предположим, классицизма или модерна, а возводить здания современной архитектуры, соответствующей определенным режимам и регламентам — по высоте, характеру членения, используемым материалам.

Новая архитектура должна быть тактичной по отношению к исторической среде, и тогда можно говорить о том, что у нас сохраняется некая целостность исторического города. Прошлого все равно не вернешь, и мы просто обманываем себя,

Д.О. Швидковский, историк архитектуры, доктор искусствоведения, ректор МАРХИ: «При удивительной мягкости и врожденной интеллигентности Юрия Александровича он меня всегда поражал своими героическими усилиями по защите нашего наследия, причем действовал не голословно, а на основании фундаментальных научных исследований. Научный подход в его многочисленных трудах объединен с огромной любовью к своей стране, ее культуре. Замечательно, что 10-я, юбилейная Премия имени Алексея Комеча вручена такому потрясающему человеку».

А.В. Дроздов, зам. главного редактора журнала «Экономическое планирование и управление» Института географии РАН: «Вся творческая жизнь Юрия Александровича была связана с географией. Именно профессия географа, полученная им первоначально, с ее открытостью миру, я думаю, и подготовила его ко всей последующей деятельности».

Н.В. Сиповская, директор Государственного института искусствознания: «Однажды очаровавшись, я очарована Юрием Александровичем всю жизнь. Это человек, который честно ходит тропами культуры, причем не только очень энергично, но и с огромной иронией и профессионализмом».

А.М. Шолохов, директор Музея-заповедника «Вешенское», президент ИКОМ России: «Я всегда буду считать Юрия Александровича своим учителем и наставником, который сделал очень много, не только чтобы изучить, сберечь, но и зачастую охранять наше наследие от государства...»

Во время экспедиции на Селигере. 1968 год

своих современников и тем более будущее поколение, если говорим, что «новодел» — это историческое здание.

В наследии один из основных принципов — это подлинность. И для меня современное здание обладает подлинностью, в отличие от макета, который возводится на месте старого здания. И самое главное — сохранить среду, характер улицы. Мы привыкли мыслить отдельными зданиями, тогда как мыслить нужно ландшафтами, в том числе городскими.

Конечно, одновременно следует учитывать ситуацию. Когда в Польше восстанавливали почти полно-

стью разрушенную Варшаву, то тем самым польский народ хотел показать, что «Jeszcze Polska nie zginęła» («Еще Польша не погибла»). Это была национальная идея — возвести «памятник памятнику». Вообще восприятие подлинности чрезвычайно сложное дело. Есть подлинность, а есть привлекательность, и востребованы главным образом привлекательные объекты.

Когда разрабатываются зоны охраны или создаются достопримечательные места, архитекторы для каждого поселения разрабатывают типовые здания, которые должны вписываться в исторический ландшафт. Но даже если это и принимается, то дальше начинается действовать «свобода» вседозволенности — свобода людей строить то, что они считают нужным. Когда на месте старинных сел начали строить пятиэтажки, произошло уничтожение традиционного ландшафта.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Есть два противоречивых явления — законодательство, которое иногда совсем неплохое, и правоприменение, которое у нас отвратительно. В этом слабость нашей власти, неэффективность ее деятельности, непонимание того, что мы теряем наши национальные ценности, нашу идентичность. «Энергичные» люди находят возможность обойти любой закон, причем часто в связке с руководством, и плюс деньги. Есть, конечно, исторические поселения, где дела обстоят иначе.

Например, на востоке Архангельской области, на реке Мезень, есть поморская деревня Кижма, которая каким-то

Подмосковье

чудесным образом сохранила облик живого старинного поселения. Заслуга в этом во многом принадлежит местной территориальной организации самоуправления — ТОС, которая много делает для сохранения исторического облика этого уникального села и в то же время участвует в развитии местного туризма, в формировании необходимой для этого инфраструктуры.

ПАРАДОКС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мы хотим спасти памятники, сохранить ландшафт — и выделяем территории, которые объявляем достопримечательным местом, где организуем музеи-заповедники. Как только они становятся известными России и миру, для некоторых богатых людей возникает большой соблазн сделать их местом своего проживания. Они устремляются в эти места и начинают возводить современные коттеджи, одновременно здесь дорожает земля. И хотя на этих территориях должна быть наиболее строгая охрана, чаще всего противостоять этому наплыву очень сложно.

С такой проблемой сталкиваются практически все музеи-заповедники и национальные парки. Так, желая спасти и защитить, мы создаем угрозу памятникам и наследию. Активность толстосумов и власть предрешающих оказывается гораздо сильнее законодательства. Выход один — продолжать борьбу. Защитников наследия, причем отнюдь не только в городах, становится все больше. Важно, чтобы и правозащитники думали о защите культурного наследия, о праве современных людей и следующих поколений владеть этим наследием.

О СЕМЬЕ

Я родился в 1937 году. Поэтому на моем веку мне пришлось испытать многие проблемы. Война, эвакуация, голодные послевоенные годы. Отец и мать во время Великой Отечественной оба были в армии. Воювали и другие мои родственники. Об истории своего рода я узнал довольно поздно. Ну это и понятно, потому что было что скрывать. По материнской линии мои предки были связаны с родом князей Гагариных. У меня сохранилось довольно много фотографий, рассказывающих о жизни в Заборовке, усадьбе Гагариных в Самарской губернии.

Мой дед по материнской линии, М. Львов, закончил юридический факультет Московского университета. Однако истинное свое призвание он нашел в музыке. Он обладал хорошим голосом, учился вокальному мастерству в Италии, выступал в 1910–1920-х годах на сцене музыкальных театров, много концертировал, в том числе с Леонидом Собиновым, — у меня сохранилась афиша этого концерта, в котором, помимо Собинова и моего деда, выступал еще артист Художественного театра В. Качалов. Затем дед занялся преподавательской деятельностью,

Слева. Генерал-майор князь И.А. Гагарин, прапрадед Ю. Веденина. 1850-е годы

Справа. Главный дом в Заборовке, усадьбе Гагариных

Справа. М. Львов,
дед Ю. Веденина,
на сцене Камерной
оперы

Слева. М. Львов
и А. Гагарина
на площади Святого
Марка в Венеции.
Италия, 1911 год

в послевоенные годы он был доцентом Гнесинского училища. Дед мечтал, чтобы и я стал певцом, но, увы, «природа не проснулась».

Отец мой происходил из крестьянской семьи, родители его погибли очень рано, и все дети оказались разбросанными по разным детским домам, в основ-

С родителями.
1940 год

ном в Тверской области. Отец увлекался живописью и поступил в Архитектурный институт. А мама моя была художницей по текстилю.

Начитавшись Пришвина и Паустовского, я, городской мальчишка, который никогда не был в лесу, решил поступить в Лесотехнический институт, чтобы стать лесником и уехать на какую-нибудь заимку. Но в институте я увлекся историей садово-паркового искусства, занимался живописью, то есть в какой-то степени все-таки пошел по стопам своих родителей. Потом работал в реставрационной мастерской. Затем, более двадцати лет, — в Институте географии. После этого долгое время был связан с Российским институтом культурного и природного наследия.

Моя жизнь интересна тем, что в ней не было ничего лишнего, все в какой-то степени пригодилось: и то, что было заложено в семье, и мои собственные увлечения, и география, и искусство. Да, я счастливый человек.

Беседу вела Елена Медведева